

18+

*Истории невыдуманных
фантазий*

А.В. Павлов

Сборник рассказов

Андрей Валерьевич Павлов
Истории невыдуманных
фантазий

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64848027
ISBN 9785005360960*

Аннотация

В сборник, третью книгу Андрея Павлова, вошли автобиографические рассказы с почти вымышленным началом и совсем не придуманным окончанием. Обложка создана автором с использованием сервиса Public Domain Pictures. Стихи, помеченные вначале знаком (*), написаны автором.

Содержание

История одной пуговицы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Истории невыдуманных фантазий

Андрей Валерьевич Павлов

Редактор Елена Милиенко

Корректор Ольга Рыбина

© Андрей Валерьевич Павлов, 2021

ISBN 978-5-0053-6096-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История одной пуговицы

– Вот что, Петр Гнездов... – начал свою речь командир Собственного Его Императорского Величества Конвоя флигель-адъютант полковник Сергей Алексеевич Шереметев, – тут такое дело...

Поразительно, но этот геройский офицер, уже успевший проявить себя в сражении под Карсом, награжденный 4-м Георгием, 2-м Станиславом с мечами и золотым оружием с надписью: «За храбрость», совершенно не мог говорить о простом с людьми, своими подчиненными...

– Так вот... – продолжил он в замешательстве, – у нас грядут перемены... Нас объединяют с Черноморским дивизионом... Предстоит много работы и, в том числе, много походов и сражений...

Он вновь внимательно посмотрел в глаза стоящего напротив него уже не молодого, но все такого же преданного солдата.

– Вы не переживайте, Ваше высокоблагородие, – впервые за долгое время заговорил Гнездов. – Я все понимаю... Не вытяну я уже... Возраст не тот... Нас в Гвардии научили беспрекословно подчиняться решению старших начальников... Куды меня теперь?

Только что начался 1861 год, Петру Гнездову уже «стукнуло» 40 лет и много от него (как считали в верхах) ждать

не приходилось.

– Ты, Петр, старослужащий, верой и правдой служил все эти годы, и теперь принято решение перевести тебя на содержание по охране высокопочтенных лиц нашего государства, сохранив при этом право ношения гвардейского мундира.

– Так куды, Ваше высокоблагородие? Не томите! – скорее взволнованно проговорил, а не спросил он.

– В распоряжение графа Владимира Васильевича Левашова, в Осиновую Рощу, на север от Санкт-Петербурга...

– Вот оно что... – невзирая на Табель о рангах 1722 года промолвил солдат, почесав, при этом в затылке. – Всю жизнь на Кавказе, а теперяча, стало быть, в столицу... Эх... И не с таким справлялись!

– Не держи зла, Петр... Я и рекомендации о тебе написал для Владимира Васильевича... Чем могу...

– Спасибо, Вам, Ваше высокоблагородие... Даст Бог, не пропаду...

Усадьба Левашовых в Осиновой Роще.
Конец XIX – начало XX века

Не сдержался флигель-адъютант полковник Шереметев, подошел к старому солдату и крепко обнял. А когда тот выходил из комнаты – перекрестил в спину со словами:

– Даст Бог, свидимся еще, Петр...

Но судьба распорядилась иначе.

* * *

– Ты всю амуницию проверил? – с иронией и веселыми искорками в глазах спросила Андрея жена Наташа. – Как-никак первый твой поход на коп!

– Ты только не мешай, – деланно пробубнил Андрей. – Сейчас все снова перепроверю. И спать мне пора: вставать в полтретьего!

– А что так рано? – удивилась Наташа.

– Первый раз же иду... Не знаю, что да как... Вдруг там...

– Ой, ладно! – перебила его жена. – Не грузи! Что на завтрак сделать, если будешь есть в это время?

– Да что... Яйца свари и бутер с колбасой... Знаю, что в это время не много влезет...

На том и порешили.

Андрей не был профессиональным искателем всяких интересных штучек с использованием приборного поиска. Слышал об этом, но не обращал внимания. Более близко с этой возможностью времяпровождения его познакомил года два назад товарищ, Алексей.

– Это незабываемое удовольствие! – утверждал он. – Ты не только возвращаешь к жизни давно ушедшие предметы, но и узнаешь их историю, историю тех земель, где копаешь, историю тех людей. Ну, и конечно, пройтись по свежему воздуху несколько километров также полезно для здоровья!

Когда появилась возможность, Андрей увлекся этим делом: «прошерстил» Интернет в поисках необходимой информации, выбрал и приобрел самый простой, для начинающих, прибор, и досконально изучил его возможности в домашних условиях. Съездил в строительный гипермаркет и купил короткую, но очень удобную лопату. Теперь пред-

стоял выход.

Начинающий копатель решил еще раз все проверить, вспомнив «подколку» жены. Для переноски лопаты и прибора очень удачно подошел чехол для удочек, когда-то давно кем-то подаренный. Из поясной сумки сделал зачетную «приспособу», куда сложил нож, запасной комплект батареек «Крона» для прибора, маленькую бутылочку воды, средство от комаров, перчатки, наушники, позволяющие скрывать от окружающих сигналы найденных предметов. В нагрудный карман положил «хабарницу» – жестяную коробочку из-под сосательных конфет «монпансье», бережно обклеенную изнутри байковым материалом стараниями жены – для сбора особо ценных находок.

– Слушай, – обратился Андрей к жене. – Говорят, чтобы были хорошие находки, нужно «задабривать» лесного стража – «Деда Хабара» ... Дай конфеток каких-нибудь...

– Совсем спятил! – засмеялась Наташка. – Спать иди! Вставать рано! – Но потом сказала: – Положу в пакетик кускового сахара немного. Не «Хабара», так хоть муравьев подкормишь!

На этом предкопательные споры и сборы закончились...

* * *

Осень в Санкт-Петербурге... Такая разная во все времена и для всех... Сколько великих людей – столько гениальных

мнений! Вот Белинский: «...Это край, где болотистые испарения и разлитая в воздухе сырость проникают в каменные дома и кости человека, где нет ни весны, ни лета, ни зимы, но круглый год свирепствует гнилая и мокрая осень, которая пародирует то лето, то зиму...»

А вот – Тютчев:

*Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.*

*Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.*

*Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине —
Югом блещет, югом веет,
И живется как во сне...*

Это мы «окунулись» во времена первого главного героя нашего рассказа. А что же сейчас? Что поменялось за эти полтора-два столетия? Что сейчас слушает наш второй главный герой – Андрей?

Вот Шевчук:

*Что такое осень? Это небо.
Плачущее небо под ногами.*

*В лужах разлетаются птицы с облаками
Осень я давно с тобою не был.*

*Что такое осень? Это камни
Верность над чернеющей Невой
Осень вновь напомнила душе о самом главном
Осень я опять лишен покоя...*

И как вывод:

*Таёт стаяй город во мгле
Осень что я знал о тебе
Сколько будет рваться листва
Осень вечно права.*

А может быть Шуфутинский?

*Придет пора, и золотым дождем
Осыплет Петербург торжественная осень.
И каждый будет думать о своем,
И мы друг друга ни о чем не спросим.
И сфинксы над Невой, от холода дрожа,
Накинут на плечи тепло лучей под утро,
И ветер яблоню, к земле прижав,
Разденет сильною рукой ее, беспутный...*

Каждому из наших героев посчастливилось жить в свое время и наслаждаться этим временем...

* * *

**Медленно... Медленно... С ужасным скрежетом*

*Едет телега по неровной дороге...
Холодно... Холодно... Как ни старайся,
Все равно замерзают озябшие ноги...*

*Это поздняя осень, грязь ужасная...
От нее не уйти, никуда не скрыться...
Это осень в Питере, сером и небесноблизком:
Это осень – в нашей Великой Столице...*

*Вернее, не в столице, а на самой окраине.
Там, где нет места революциям и злословиям...
Там, где дети вместе играют в салочки...
Независимо от родительских сословий!*

*И ничем не согреть ни душу, ни тело,
Хоть камин разожги, хоть выпей портвейна!
Безысходность одна над Невой пролетела...
Остается укутаться в шинель трофейную...*

Петр Гнездов еще сильнее укутался в шинель с отложным воротником и хлястиком на двух пуговицах. До Осиновой Рожи оставалось верст пятьдесят...

«Как бы не оторвались... А то будет позору: приехал гвардеец с оторванной фурнитурой!»

Подложив под голову совсем недавно введенный в гвардейский обиход ранец из телячьей кожи с небогатыми армейскими пожитками, старый солдат очень быстро уснул...

Перейдя перекресток на светофоре через дорогу, Андрей углубился в лес. Он не был здесь почти десять лет и очень удивился тому, как все изменилось... Тогда это была мало-проходимая чаща, в основании ее лежала еле заметная тропинка, по бокам которой валялись срубленные людьми или сваленные непогодой стволы вековых дубов, сосен, лиственниц и берез, сплошь и рядом покрытые опятами! А сейчас... Сейчас это была тропа шириной метра два, повсеместно засыпанная следами современного человечества: пробки, банки, пакеты, бутылки...

«Как же так?! Что за люди?! Я отдохну, а после меня – хоть потоп!? Ты же тут живешь! Здесь гуляют твои дети, может быть, родители... Этим местом природа еще может дарить человечеству добро: свою красоту, свежий воздух, пение птиц... Но с таким отношением еще 10—15 лет – и все...»

Андрей шел по лесу, и эти мысли не давали ему покоя... До Креста оставалось совсем чуть-чуть...

Вид на место, где была усадьба Левашовых
в Осиновой Роще. 2020 год

«Ну хотя бы здесь не загадили», – подумал Андрей, когда приблизился к тому месту, где раньше, судя по старым картам и преданию, была церковь. Даже стало лучше, светлее... Было позднее осеннее утро, солнце еще не успело пустить свои лучи сквозь ветви деревьев, но уже осветило через горизонт местный лес... Место, где стоял Крест, расчистили, поставили рядом лавки, чтобы каждый мог присесть, отдохнуть, подышать этим воздухом, послушать себя или пение

птиц, посмотреть, как местные белки шустро таскают еду из любовно сделанных кормушек...

Так случилось, что Андрей не был крещеным. Верующим, в принятом смысле этого слова, он тоже себя не считал, но всегда с терпимостью относился к тем, кто верил в Бога, их традициям. А сам верил в себя, родных, друзей... Были бы у него враги, верил бы и в них, но вот незадача – не было их у него!

Поэтому, подойдя к Кресту, он не стал заходить внутрь расчищенной площадки, а усевшись на самой дальней лавке, спиной к Кресту, начал приводить металлоискатель в рабочее состояние...

* * *

– Ну что же, Петр Гнездов! Давайте знакомиться.

На Петра смотрел этаким молодой франт, не более тридцати лет отроду, с вьющимися волосами и прической похожий на молодого Лермонтова, острым взглядом, тонкими, лихо закрученными усиками и такими же тонкими пальцами рук. В этом двадцатисемилетнем молодом господине было трудно признать мирового посредника по крестьянским делам по Санкт-Петербургскому уезду.

– Рекомендательное письмо от Сергея Алексеевича я прочитал и рад, что ко мне попал такой опытный солдат, как Вы. А почему Вы такой бледный? Вы не больны? – с тревогой

в голосе произнес Левашов.

– Никак нет, Ваше высокоблагородие! – немного заикаясь, ответил Гнездов.

– Тогда в чем дело? – удивленно и немного рассержено спросил собеседник.

– Видите ли... – неуверенно начал речь Петр. – За столько лет службы за Веру, Царя и Отечество ко мне на «вы» никто из командиров не обращался... Вот я и смутился...

– Ах вот в чем дело! – повеселел Владимир Васильевич. – Привыкайте, Петр... Как Вас по отчеству?

– Зачем это? – еще больше смутился старый солдат.

– А за тем, что по имени называют, по отчеству величают! Вам будет доверено руководство охраной моего поместья и всех его жителей, а такое доверие не может быть без уважения. Ну, так как Вас по отчеству?

– Макарович, Ваше высокоблагородие. Петр Макарович Гнездов.

– Вот и хорошо, Петр Макарович. Теперь все здесь будут так к Вам обращаться, привыкайте! – и он весело засмеялся.

Гнездов почувствовал облегчение и даже посмел себе позволить улыбнуться в ответ, что никогда не позволял себе все эти годы.

– Теперь обо мне, – продолжил беседу Левашов. – Граф Левашов Владимир Васильевич, 30 ноября 1834 года рождения. Окончил Пажеский корпус и Михайловское артиллерийское училище по первому разряду и в дальнейшем

определен корнетом на службу в лейб-гвардейский гусарский полк. Позже переведен в конноартиллерийскую легкую батарею, был адъютантом Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича. В 1856 году был командирован в Париж для составления императору Наполеону III орудия, а по возвращению назначен членом Комитета об улучшении штуцеров и ружей. В настоящее же время занимаюсь сугубо мирным делом – служу мировым посредником по крестьянским делам по Санкт-Петербургскому уезду.

Что характерно: вся беседа происходила в рабочем кабинете графа, причем и его хозяин, и гость ни разу не присели, лишь старший по положению неспешно прохаживался вдоль письменного стола.

– Теперь семья, – продолжил Левашов. – Моя супруга, Ольга Викторовна, графиня, фрейлина двора, старшая дочь министра юстиции графа Панина. В браке у нас родилась дочка Машенька, которой чуть более двух лет. На этом пока все, но, даст Бог, будут еще потомки. С остальными родственниками не вижу смысла знакомить, ибо они нечасто у нас бывают и Вы навряд ли с ними близко пересечетесь. Если будет необходимость – представлю. С прислугой Вас познакомит мой управляющий, Федор Этьенович Грозье, личность уникальная в плане того, что является сыном плененного французского офицера времен Отечественной войны и дальним родственником Жана-Баптиста-Габриеля-Александра Грозье – французского иезуита и историка. Человек

достаточно образованный и уважаемый как среди прислуги, так и в семье. Очень хотелось бы, чтобы и Вы, Петр Макарович, стали своим в этом доме. На этом не могу Вас более задерживать. Ступайте вниз, я предупредил Федора Этьеновича, он Вас разместит и введет в курс нашего распорядка жизни. А об особенностях Вашей службы поговорим завтра. Отдыхайте.

– Слушаюсь, Ваше высокоблагородие! – громко отрапортовав и четко повернувшись на каблуках, Петр Гнездов вышел из кабинета своего нового начальника.

* * *

Конечно, опыта приборного поиска у Андрея не было. Но он прекрасно понимал, что всевозможные статьи и видеосюжеты на YouTube не заменят навыков, вырабатываемых практикой. Он знал, что независимо от того, какие настройки установлены на приборе, под катушкой может оказаться и пивная пробка, и старая монета, и ржавая винтовочная гильза, и такая же ржавая подкова. Поэтому он копал все подряд, только если это было не очень глубоко – не более двух штыков.

– Ты что-нибудь терял в жизни? – Андрей вспомнил беседу с Алексеем, «заразившим» его приборным поиском. – Идешь, достаешь из кармана спички прикурить, а с ними выпадает монета, случайно зацепившаяся за зазор в спичеч-

ном коробке. Или у тебя отрывается пуговица на куртке. Это все падает на землю, притаптывается и уходит вглубь совсем не на много! Только если была перепашка, тогда – да, «потеряшка» может провалиться. Но это бывает достаточно редко. А так – не более 30 см. Глубже нет смысла рыть.

Это было единственное ограничение, которым руководствовался Андрей. На все остальное (цифры на приборе, звуковой сигнал) он не обращал внимания – копал.

Первыми же находками, как и ожидалось, стали пивные и водочные пробки, причем в основном советского производства. Еще были несколько гильз от пистолета ТТ и «мосинки». Но это не сильно расстраивало Андрея: он знал, что, если сразу найдешь какую-либо относительно ценную находку, дальше удачи не будет. Поэтому продолжал методично «откликаться» на все сигналы.

Прошло около двух часов с того момента, как Андрей приступил к поиску, и в наушниках зазвучал звук очередного сигнала. Мельком взглянув на индикатор прибора, Андрей определил, что это, вероятнее всего, очередной «шмурдяк»: фольга от сигарет, кусочек проволоки (местные «старатели» в свое время очень активно обжигали оплетку, чтобы добыть цветной металл из проводов, и этого добра тут было очень много) или пуля от того же оружия, что и основная масса гильз. Определив перекрестным движением ориентировочный центр цели, Андрей с четырех сторон подкопал предполагаемую находку где-то на полштыка, вытащил

ком земли и откатил его в сторону от образовавшейся ямки сантиметров на 20. Это позволяло определить дальнейшей проводкой прибором, выкопал ли находку или она еще в глубине.

Проведя прибором над комком выкопанной земли, Андрей с удовлетворением отметил, что цель тут и не нужно будет опять копать. Теперь предстояло найти в этих восьмидесяти кубических сантиметрах то, что так уверенно пищало в наушниках. Не имея под рукой специального прибора (пинпоинтера), позволяющего точно находить искомый предмет на небольшом расстоянии, Андрею пришлось разламывать руками выкопанный кусок земли и подводить его куски к катушке, чтобы определить в нем наличие металла. Первая и вторая попытки не дали результата, а на третьей, разломив очередной ком, Андрей с волнением увидел ярко-желтый блеск маленького кругляшка! Да! Это была монета! Его первая монета! Как ее называют поисковики – «золото партии» – из-за характерного цвета металла, алюминиевой бронзы. И пусть это были всего 2 копейки 40-х годов XX века («сталинские»), но это случилось!!! Задел положен!

Немного волнуясь, еще не отойдя от пережитого, Андрей достал «хабарницу» и бережно положил в нее свою первую монету. На радостях забыл два главных правила поисковика:

- 1) Закапывай за собой ямки.
- 2) Еще раз проверь место находки. Возможно, там есть еще что-то.

Вернувшись, первое выполнил сразу. О втором вспомнил, отойдя метров на десять от места находки. Опять вернулся, провел прибором и... Опять сигнал! Достал ранее выкопанные куски земли, провел над ними прибором – есть! Разломил очередной кусок земли – 15 копеек начала 50-х годов! Потом в лунке нашел еще четыре монеты: 3, 5 и две 20-копеечные. Также все до реформы 1961 года. Это была удача: первый выход и сразу – «рассыпуха»! Радости не было предела!

Вспомнив приметку, начинающий поисковик достал из кармана пакетик с сахаром, высыпал его в яму и с мысленными благодарностями «Деду Хабару» закопал сладости, притоптав их сапогом. День удался! Счастливый и полный энтузиазма, Андрей с большей энергией продолжил поиск, но сегодня больше ничего интересного ему не попало...

* * *

«Рассыпуха»

Распорядок и служба Петра Макаровича были несложными: подъем в 5 утра, обход постов, доклад графу Левашову (при необходимости, мало ли что нужно исправить для улучшения защищенности поместья), в 7 часов – инструктаж очередного караула и его развод, завтрак в 9 часов, подведение итогов несения службы сменным караулом, проведение теоретических и практических занятий с караулом, заступающим на следующее утро (всего было три состава караула по 10 человек в каждом), проверка содержания казармы, где проживали его подчиненные, обед в 14 часов, отдых

до 17, затем вновь обход постов и с 20 часов ужин и личное время. Ложился Гнездов спать около полуночи.

Иногда во время дневного отдыха он направлялся в конюшню и с любовью и ловкостью занимался с двумя молодыми лошадьми, специально купленными хозяином поместья для своей супруги.

Кроме того, в свободное время он мастерил небольшие деревянные игрушки для дочки хозяев, Машеньки, и других ребятишек, а также учил их этому захватывающему делу. Время бежало равномерно и незаметно...

Картина Э. П. Гау «Караул лейб-гвардии Казачьего полка»

в Зимнем дворце» (1866 год)

Наступил апрель 1862 года. Стало известно, что хозяин назначен исполняющим должность управляющего временным отделением Главного управления наместника Кавказского по делам гражданского устройства Кавказского и Закавказского края, и он засобирался в Тифлис. Дело в том, что к этому времени у них в семье произошло пополнение – родился сын Васенька. Ольга Викторовна была еще слаба, да и местная погода не добавляла ей здоровья. Поэтому на семейном совете было принято решение, что граф едет в Тифлис один, а как только позволит здоровье хозяйки, она вместе с детьми присоединится к супругу.

За два дня до своего отъезда граф пригласил к себе в кабинет Грозье и Гнездова. Когда они вошли, то увидели, что там уже была Ольга Викторовна.

Левашов поднялся из-за стола и сказал:

– Господа! Государь Император направляет меня на Кавказ. В силу различных обстоятельств моя супруга остается здесь. Теперь она полноправная хозяйка поместья и ваш непосредственный начальник. Прошу Вас, Федор Этьенович, и Вас, Петр Макарович, выполнять все ее поручения, как ежели бы они были моими. И еще, непосредственно к Вам, Петр Макарович... В столице и ее окрестностях зреют беспорядки... Вы уж берегите мою семью.

Граф как в воду глядел! Не прошло и месяца, как Санкт-

Петербург захлестнула волна поджогов. Пожары начались 15 мая и продолжались до конца месяца. Горели дома на Лиговском проспекте, в Большой и Малой Охте, что уничтожило Солдатскую слободку. От многочисленных пожаров пострадали Ямская улица, Каретная и Московская части. Но самый крупный пожар произошел в Духов день, в конце мая, в Апраксином дворе и его окрестностях. На другой день в поджоге обвинят и поляков, и революционеров. Обвинению поверят.

Петербург примет мрачный характер. По улицам будут ходить отряды пехоты, казачьи патрули разъезжать кругом дворца, Петропавловскую крепость наполнят политические заключенные. Толковать о реформах станет неприлично, правительство перестанет либеральничать...

– За все время вашей службы у меня к вам не было претензий, вы трудились честно и усердно. Продолжайте в том же духе. Есть ко мне вопросы? – закончил свою речь граф Левашов

Оба верных помощника в один голос ответили:

– Никак нет!

– Вот и хорошо. У Вас, Ольга Викторовна, будут какие-то поручения или просьбы, которые нужно озвучить при мне?

– Нет, Владимир Васильевич, – ответила графиня. – У меня нет сомнений, что мы справимся все вместе, – и с улыбкой взглянула на своих помощников.

– Тогда ступайте, господа. Бог вам в помощь.

Оба приглашенных одновременно развернулись и вышли из кабинета.

* * *

Простой прибор Андрей покупал именно для того, чтобы понять: его ли это – копать? И уже через несколько месяцев поисков понял – его. С этого времени стал присматривать более мощного и «продвинутого» спутника. По совету другого товарища, тоже Андрея, с которым был знаком более 30 лет, выбрал одну из последних моделей, а брат Наташки на день рождения подарил пинпоинтер. Так что к началу лета Андрей был «упакован» уже очень хорошо!

Учитывая, что Андрей временно не работал, копу он мог посвящать практически каждый день. Исключения составляли лишь те дни, когда шел сильный дождь или нужно было съездить в центр по делам трудоустройства.

Наташка не противилась его увлечению и всегда с интересом рассматривала находки. Тем более многие из них никогда не попадались им обоим на глаза в повседневной жизни, их принадлежность к чему-либо приходилось определять с помощью интернета и чудесных программ по сравнению фотографий: Андрей с разных ракурсов фотографировал найденный предмет, добавлял эти фото в строку поиска, и «Всемирная паутина» сама находила аналогию и что это могло бы быть. Так случилось с гардой – частью клинкового

холодного оружия, бабкой – приспособлением для отбивания кос, еще с некоторыми находками... Попадались и ювелирные изделия, но, в основном, современные или периода СССР. Ну и, конечно, монеты.

Используя старый прибор, Андрей находил, и очень много, современные монеты, реже – как их называют – монеты «позднего» СССР (период от 1961-го до 1991-го включительно). Для себя он сразу решил называть их монетами «среднего» СССР, так как были еще монеты Советского Союза выпуска 1991 года перед его развалом (10 и 50 копеек, 1, 5 и 10 рублей). Вот их он и относил к монетам «позднего» СССР.

Несколько раз Андрей встречал в лесу «камрадов» – таких же любителей приборного поиска, как и он. Один из них, ветеран по возрасту и (с его слов) поиску в этих местах, уверял, что здесь уже все «выбито» и «ловить» тут нечего. Сам он самую старую находку нашел пару лет назад – 2 копейки 1924 года, хотя исходил все вдоль и поперек. Андрей с неохотой вступал с «камрадами» в беседу: считал, что приборный поиск сродни рыбалке или собиранию грибов – тишина позволяет услышать дыхание леса, природы и сосредоточиться на поиске.

Еще он понимал: то, чем он занимается, имеет четко выраженные ограничения рамками закона. Но, с другой стороны, его удивляло, что приборы, с помощью которых «камрады» проводят поиск, свободно продаются и любой желаю-

щий может их приобрести, в том числе во многих сетевых супермаркетах электронной техники! Конечно, он изучил все правовые нюансы приборного поиска и был готов к встрече и объяснениями с блюстителями порядка, но пока, к счастью, этого не происходило.

Так что приборный поиск занимал практически все свободное время Андрея.

* * *

Жизнь текла своим чередом. Гнездов, за свои профессиональные и человеческие качества, стал для всех жильцов поместья непререкаемым авторитетом, в том числе и для своих хозяев. Он никогда не лез не в свое дело, зато свое выполнял точно и в срок. Но годы брали свое...

В конце августа 1880 года, когда, уже будучи генерал-лейтенантом, граф Левашов был назначен состоять при Министерстве внутренних дел и наконец-то всем семейством вернулся в столицу, опять поселившись в Осиновой Роще, он пригласил к себе старого солдата в кабинет.

– Петр Макарович! Вижу уже трудно Вам... И не стоит пререкаться, – поднял руку вверх Левашов, остановив тем самым попытку Гнездова оспорить его слова. – Я прошу Вас оставить службу у меня, но, при этом, остаться в поместье и оказывать помощь в воспитании моих детей. Ольга Викторовна очень переживает по случаю преждевременной смерти

нашего Васеньки, и ей трудно уделять много времени детям (к этому времени в семье графа помимо Машеньки уже была Катенька, а три года назад они потеряли совсем маленькую Женечку).

– Графиня уже не сможет иметь детей, и я очень хочу, чтобы наши обе девочки росли счастливыми и здоровыми. И очень надеюсь, что Вы сможете нам в этом помочь.

Петр Макарович тряхнул седой головой, поправил свой поношенный, но вполне еще прекрасно сохранившийся гвардейский мундир и ответил:

– Вы стали для меня семьей, а «Осинка» (так называли поместье местные жители) – вторым домом. А может быть и единственным. Как прикажете, Ваше превосходительство! Готов и далее служить на благо Вашей семьи в любом качестве!

Граф Левашов подошел к Гнездову, обнял его за плечи, прижал к себе и трижды расцеловал по старому русскому обычаю.

– Так тому и быть, Петр Макарович, – закончил встречу генерал-лейтенант.

Гнездов развернулся, и граф не успел увидеть слезу, которая неровной дорожкой стекла по морщинистому лицу старого солдата...

Со следующего дня Петр Макарович все свое время посвящал детям графа. Машенька (ей было 21) уже стала прекрасной девушкой, ей пророчили неплохие перспективы при

дворе. Катенька была в том возрасте (13 лет), когда инстинкты опережали работу мозга, поэтому за ней нужен был постоянный присмотр. Впрочем, как иногда и за старшей сестрой. Петр Макарович понимал это, но делал все ненавязчиво и с любовью, за что его очень ценили и девочки, и их родители.

Летом он ходил с ними по грибы и ягоды, учил их ловить рыбу (благо в «Осинке» хватало и озер, и черники), учил управлять лошадьми, ведь каждая приличная дама должна была уметь держаться в седле! Осенью – опять грибы, езда на лошадях, рыбалка (пока не покроются льдом местные озера). А зимой – катание на санях! Причем как в лошадиной упряжке, так и самостоятельно, с горок, коих в «Осинке» было множество...

То утро конца декабря 1880 года было морозным и солнечным, и ничто не предвещало той неприятности, которая случилась немногим позже. Хозяева вместе со старшей дочкой, позавтракав, уехали в Санкт-Петербург, а Катенька уговорила Петра Макаровича совершить конную прогулку в парке вокруг Среднего озера. Для этого в сани запрягли двух молодых скакунов, которых граф привез после своей очередной поездки на Кавказ. Гнездов управлял санями, девочка сидела рядом, укутавшись в соболью шубу: они катили не спеша, разговаривая обо всяких мелочах. Сделав два круга, Петр уже решил поворачивать к конюшне, но Катенька взмолилась:

– Петр Макарович! Позвольте мне занять Ваше место и хотя бы немного повести сани! Я буду очень аккуратна, а Вы, сидя рядом со мной, сможете всегда исправить мои оплошности!

Видя, какая мольба стоит в глазах девочки, сердце старого солдата не выдержало, и он сказал:

– Хорошо, солнышко! Но только один круг. И никто об этом знать не должен, иначе не сносить мне головы!

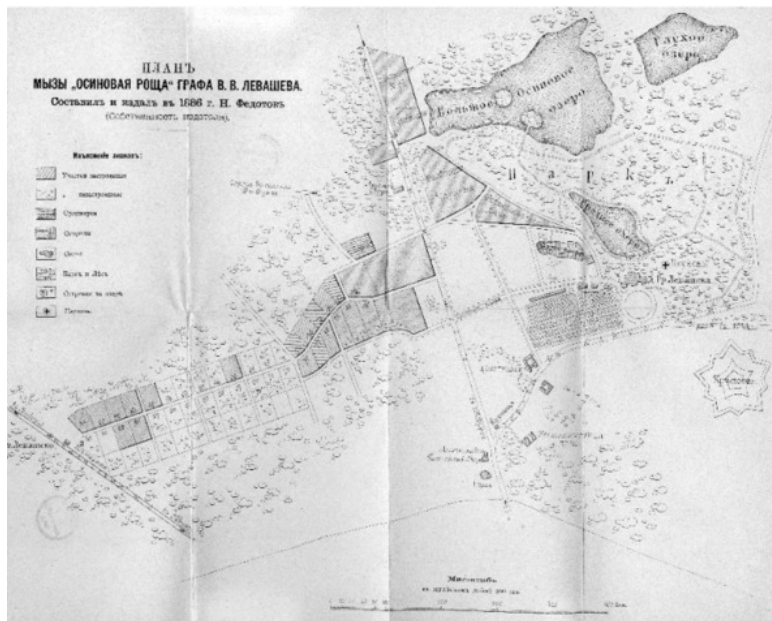
– Конечно! – глаза девочки заблестели, а румянец на щеках, вызванный утренним морозом, стал еще ярче.

Они поменялись местами, и Катенька медленно повела сани. Все было нормально до крутого поворота на северо-западной части Среднего озера, где дорога разветвлялась на несколько частей. То ли девочка сильнее, чем обычно, натянула и дернула вожжи, то ли кони почувствовали, что ими управляет неопытный наездник, но случилось непредвиденное: левый конь дернулся в сторону, оступися, и сани резко накренились в сторону ледяной глади озера! Правый конь, видно испугавшись возможного падения, дернулся в другую сторону и, оказавшись в более выгодном положении, рванул сани на себя, набирая при этом ход. В итоге сани занесло, да так, что Гнездов не удержался и вывалился из них! Девочка, испугавшись, закричала, чем еще больше нагнала страху на молодых коней, и они, заканчивая разворот, понесли сани в сторону Малого озера.

Времени на раздумья не было. За двадцать лет прожива-

ния в поместье Петр Макарович прекрасно знал все дорожки, тропинки и повороты, поэтому кинулся наперерез набирающим скорость саням. Все рассчитал верно и выскочил в десяти сажнях от мчавшихся навстречу саней.

Увидел, что Катенька сидит в них, съезжившись и закрыв лицо руками, при этом вожжи болтались сбоку.

План мызы «Осиновая Роща» графа В. В. Левашова

Не сбавляя темпа, Гнездов продолжил бежать по пути

с несущимися санями именно с той стороны, где были вожжи. Как только кони его догнали, он ловко схватил кожаные ремни, обмотал их вокруг своей ладони и всем телом навалился на молодого коня. Конечно, его скорость уступала скакуну, поэтому по инерции его оторвало от земли и протащило по снежной дороге еще саженой пять, но, слава Богу, кони остановились.

Гнездов вскочил в сани и тряхнул за плечи Катеньку.

– Как Вы, сударыня!

Девочка оторвала ладошки в варежках от своего лица, и Гнездов увидел, что от румянца не осталось и следа, правда и страха в глазах не было.

– Вы живы, Петр Макарович! Я так за Вас испугалась, – прошептала она и обняла старого солдата за шею.

От неожиданности Гнездов крикнул и освободился от цепких девичьих объятий.

– Что же со мной случится, Катенька? Лишь бы Вы были целы.

Он соскочил с саней, стал поправлять обмундирование и вдруг издал возглас разочарования:

– Ну как же так?! Столько лет носил... Он мне верой и правдой служил, а теперь вот...

– Что случилось? – девочка с тревогой посмотрела на старого солдата.

– Да вот незадача... В погоне за Вами где-то оторвал и потерял пуговицу от гвардейского мундира...

– Не расстраивайтесь, Петр Макарович! Я попрошу сестру, и она Вам найдет хорошего портного в столице! Пуговицу заменят!

– Да в том то и дело, что не делают уже таких...

– Ничего, что-нибудь придумаем! – и девочка опять с радостью бросилась на шею старого солдата, но в тот же миг отстранилась. – Спасибо Вам! Вы жизнь мне спасли, а думаете о какой-то пуговице! – и ее губки деланно надулись.

Гнездов и сам пришел в себя от своих дурацких переживаний:

– Поедемте домой, уже и обедать пора, сударыня.

Они сели в сани и не спеша покатали в сторону конюшни. Еще несколько дней старый солдат переживал из-за потери, пришив на ее место самую обычную пуговицу. Но очень скоро Катенька принесла ему новую, очень умело сделанную местным мастером из серебряной 15-копеечной монеты с гербом наружу.

– Пришейте ее. Вместо той, оторванной. И берегите. Это Вам подарок от меня за чудесное спасение.

Но он не стал ее пришивать, а до конца своих дней хранил эту серебряную пуговицу в старом гвардейском ранце – как память об этой незабываемой зимней поездке на санях с маленькой Катенькой Левашовой...

Находок становилось все больше и больше, и они стали заполнять все свободное пространство и так небольшой квартиры Андрея и Наташи.

– Не переживай, родная! – успокаивал жену Андрей. – Купим дачу, оборудую себе там кабинет и свезу все туда!

Но до покупки дачи пока руки не доходили, хотя поиски ее продолжались уже длительное время.

С новым прибором, более чутким и избирательным, в находках Андрея стали больше преобладать старые монеты, всевозможные ювелирные изделия, бижутерия, ножи и другие столовые приборы, но все это были предметы советского времени. И Андрей уже было поверил словам старого «камрада», что тут уже искать нечего. Но удача ему улыбнулась! Сначала он нашел старую «конину» – элемент конской упряжи, которую для красоты крепили к ней в старину, потом ему попался старинный, весь зеленый крестик (как оказалось середины XIX века) и небольшой бронзовый перстенок с рисунком животного (как его называют – «лютый зверь»). Это, конечно, радовало молодого поисковика, но хотелось бы найти старинную монету, и как ни странно, еще больше хотелось найти старинную пуговицу.

Современных у него уже было полбанки. Несколько раз попадались пуговицы от формы военнослужащих времен СССР, причем как послевоенных, так и до 1941 года (благо в Интернете много сообществ любителей разного рода коллекционирования, и Андрей, общаясь с ними, узнавал при-

надлежность той или иной находки). Один раз он почти достиг своей цели: нашел большую пуговицу с ушком и еле разборчивым рисунком на ней! После чистки и поиска во «Всемирной паутине» аналога его ждало легкое разочарование: пуговица оказалась от формы пожарного «раннего» СССР (1927—1933 годов). Но старинной, дореволюционной, ему еще ни разу не попадалось...

Вот и в тот день середины осени, когда по прогнозу ожидался небольшой дождик, Андрей вышел на поиски еще затемно, заранее спланировав поход по неоднократно пройденному им месту, именно с задачей «добить», чтобы уже не возвращаться к нему.

Особенностью «Осинки» было то, что в этом жилом районе квартиры получали, в основном, военные пенсионеры и все свое свободное время большинство из них проводили в парке: кто с удочкой, кто в поиске грибов и ягод, кто просто прогуливался, в том числе модной ныне «скандинавской ходьбой». И это несмотря на то, что местные власти не рекомендовали без надобности выходить из дому вследствие быстрого распространения новой и тяжелой болезни. Но кто же остановит пенсионеров! Сидя первое время дома, они внимательно слушали выступления по телевизору наших «асклепиев» типа Большевой или Сырникова, которые говорили, что свежий воздух полезен для здоровья! И после просмотра этих передач дружно шли в лес. Большинство из них могла остановить только непогода, поэтому этим вре-

менем Андрей очень дорожил, чтобы не встречаться с ними и не отвечать на резонные, простые, добродушные, но очень надоевшие за все это время вопросы (а что, а как, а зачем, а почему...).

Зайдя в лес и не встретив никого, Андрей на своем привычном месте подготовил прибор и, подойдя к озеру, приступил к поиску. Как всегда, он начался с нескольких пивных и водочных пробок (что являлось хорошей приметой), потом попала старая советская эмблема с петлицы военного медика, очередная алюминиевая ложка, несколько консервных банок, пяток гильз от разных типов стрелкового оружия и пара монет 40—50-х годов XX века. В общем, все было как обычно.

Где-то через полтора часа поисков прибор озвучил и отобразил очередной сигнал. Судя по его параметрам, это могла быть очередная латунная гильза времен Великой Отечественной войны или алюминиевая пробка от пива «Жигулевское» советского периода. Определив середину цели и сделав подкоп с четырех сторон, Андрей подцепил большой ком земли и перевернул его наружу. Почва в этом месте была сплошь испещрена корнями старых деревьев и молодой поросли, поэтому копнуть глубоко не удалось, сантиметров на десять, не более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.